

Научная статья
УДК 821:81'255.2
doi: 10.17223/19986645/92/12

Поэзия М.Ю. Лермонтова в зеркале киргизской литературы: анализ переводов Омора Султанова

Жыпар Оморовна Султанова¹

¹ *Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента
Российской Федерации Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика,
jeep502@inbox.ru*

Аннотация. Изучаются переводы поэзии М.Ю. Лермонтова на киргизский язык. Определяется роль творчества русского поэта в языковой картине мира киргизской культуры в общем, и литературы в частности. Проанализированы переводы стихотворений Лермонтова, осуществлённые Народным поэтом Кыргызской Республики Омором Султановым. В исследовании на основе сопоставления оригиналов и переводов поэтических произведений выявляются лингвистические и социокультурные особенности киргизских переводов поэзии Лермонтова.

Ключевые слова: художественный перевод, оригинал, поэзия, русский язык, киргизский язык, эквивалентность, вольность, адекватность, М.Ю. Лермонтов, Омор Султанов

Для цитирования: Султанова Ж.О. Поэзия М.Ю. Лермонтова в зеркале киргизской литературы: анализ переводов Омора Султанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 226–247. doi: 10.17223/19986645/92/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/92/12

Mikhail Lermontov's poetry in the mirror of Kyrgyz literature: Analysis of translations by Omor Sultanov

Zhypar O. Sultanova¹

¹ *Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic.
jeep502@inbox.ru*

Abstract. A study of literary translations of Mikhail Lermontov's poetry into the Kyrgyz language, authored by the People's Poet of the Kyrgyz Republic Omor Sultanov, was conducted. The materials for the research were poems by Lermontov and their translations into Kyrgyz made by Sultanov. A line-by-line comparative analysis of the original poems of the Russian poet and translations of his poetry into Kyrgyz was made. This approach allowed evaluating the quality of literary translation in more detail and analyzing all the nuances of this complex process. The aim of the study is to determine the originality of Lermontov's poetry and its translations in the sociocultural context of the interaction of two languages: Russian and Kyrgyz. The relevance and novelty

of the research is manifested in the identification of ideological criteria in the interpretation of Lermontov's poetry for Kyrgyz-speaking readers. The subject of the study is the sociocultural and linguistic characteristics of Kyrgyz translations of Lermontov's poetry. The study assesses the degree of equivalence, freedom and adequacy of the considered poetic translations in relation to the originals, and correlates the imagery of the originals and Kyrgyz translations of Lermontov's poetry. The main method of the research is comparative analysis. The study revealed the distinctive features of literary translations of Lermontov's poems into Kyrgyz, their dependence on the socio-cultural background and the traditional value system of the Kyrgyz people; identified semantic and stylistic features of the transition of Lermontov's poetry from the Russian language to Kyrgyz. The analysis showed the presence of both equivalent and free translations of Lermontov's lyrics made by Sultanov. It can be concluded that each of these translated poetic texts is timely and adequate, the line-by-line analysis of poems helps to focus on detailing all the translation nuances. Psychological and personal factors relating to the author and the translator play an important role – the translator conveys the poet's ideas through the prism of his own experience. Despite the fact that Russian and Kyrgyz are not related to each other, they have a common Soviet past, which means that the cultural layer of the Russian language is well known to the Kyrgyz audience. This circumstance poses an important task for the translator – taking into account the fact that bilingual Kyrgyz readers are often fluent in both Kyrgyz and Russian, and can refer to Lermontov's poetry in the original, being well acquainted with his works, it is necessary to convey Lermontov's lyrics in translation to the Kyrgyz reader accurately and correctly. It can be concluded that Sultanov's literary translations have passed all the listed selection criteria and can claim a high assessment of the quality of translations of Lermontov's poetry into the Kyrgyz language.

Keywords: literary translation, original, poetry, Russian and Kyrgyz literature, features of the translating language, equivalence, freedom, adequacy, Mikhail Lermontov, Omor Sultanov

For citation: Sultanova, Zh.O. (2024) Mikhail Lermontov's poetry in the mirror of Kyrgyz literature: Analysis of translations by Omor Sultanov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 226–247. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/12

Посвящается 210-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова

Творчество М.Ю. Лермонтова вызывает большой интерес у переводчиков разных стран и народов. История знакомства киргизского читателя с произведениями поэта начинается с 20-х гг. XX в., когда основоположники киргизской литературы взялись за переводы поэзии Лермонтова. Изучая жизнь и творчество Лермонтова в межкультурном пространстве, можно утверждать, что первыми на тюркские языки переводились те его произведения, в которых центральное место отводится образу восточного человека и миру восточной культуры в целом [1. Т. 151. С. 145]. Подтверждением этому служит тот факт, что первым стихотворением Лермонтова, переведённым на киргизский язык отцом-основателем письменной литературы Касымалы Баялиновым, стало восточное сказание «Три пальмы», опубликованное в киргизской газете «Эркин-Тоо» в 1925 г. Таким образом, с каждым последующим годом творчество великого русского поэта набирало обороты

в переводческих работах киргизских авторов. Одним из самых активных переводчиков М.Ю. Лермонтова на киргизский язык стал Народный поэт Кыргызской Республики Омор Султанов¹. В 1986 г. у Султанова вышла отдельная книга переводов избранных стихотворений Лермонтова, творчество которого поэт особо выделял в рамках своей переводческой деятельности. В 1987 г. был издан перевод поэмы «Демон» («Азрейл»), сделанный О. Султановым, он был высоко оценен как критиками, так и читательской аудиторией и переиздавался четыре раза. В 2009 г. Народному поэту Кыргызстана Омору Султанову вручена международная литературная премия им. М.Ю. Лермонтова. Этой награды он удостоен в том числе и за перевод сборника ранних стихов русского поэта, а также за оригинальный перевод поэмы Лермонтова «Азрейл» («Демон») [3]. В связи с этим в данном исследовании мы обратились к изучению переводов стихотворений М.Ю. Лермонтова на киргизский язык именно в варианте О. Султанова.

Целью исследования стало выявление особенностей поэзии М.Ю. Лермонтова в рамках социокультурного диалога русского и киргизского языков. В данном исследовании представляется разноплановый «киргизско-язычный портрет» Лермонтова, даётся объяснение критериев интерпретации его стихотворений для киргизских читателей, исходящих из их миропонимания. В этом заключаются его актуальность и новизна. Объектом исследования служат переводы стихотворений Лермонтова на киргизский язык, осуществлённые О. Султановым. В качестве предмета исследования можно назвать социокультурные и лингвистические особенности переводов стихотворных произведений русского поэта на киргизский язык. В задачи исследования входит: 1) построчный сравнительный анализ стихотворений Лермонтова и их переводов на киргизский язык, такой подход призван показать не общую, а более конкретную картину переводческих особенностей; 2) определение степени эквивалентности, вольности и адекватности переводов по отношению к оригиналам; 3) соотнесение образности оригиналов и киргизских переводов поэтических произведений Лермонтова. Главный метод исследования – сопоставительный анализ.

У каждого из языков имеется своя культура и мелодика. Наряду с рассмотрением социокультурных особенностей художественного перевода стоит учитывать ряд важнейших, системообразующих технических характеристик «перехода» поэтического текста из одного языка в другой.

Качество перевода следует оценивать, рассматривая его эквивалентность оригиналу произведения. Необходимо учитывать также вольность, которую

¹ Омор Султанов (1935–2022) – Народный поэт Кыргызской Республики, автор многих популярных произведений, поэтических книг, романов, киносценариев и переводов. Произведения Султанова переведены на русский, английский, немецкий, испанский, польский, венгерский, монгольский, татарский и многие другие языки мира. В честь 80-летнего юбилея поэта 2015 г. был объявлен в тюркоязычных странах Годом Омора Султанова [2].

переводчик допускает при переводе. Художественные, а особенно поэтические произведения очень чувствительны в этом отношении, так как в задачу переводчика в этом случае входит, прежде всего, создание и передача образов, заложенных в оригинале. И он решает, какими средствами выражения этого достичь, исходя из особенностей переводящего языка и личностных фильтров. Несмотря на это, есть общие правила, которых необходимо придерживаться. Для того чтобы их очертить, следует определиться с терминологией. Таким образом, в данной работе мы опираемся на оценку эквивалентности, адекватности, вольности поэтического перевода. Стоит обратить внимание на мнение исследователя А.И. Гусаковой, которая пишет: «“Адекватность” и “эквивалентность” зачастую отождествляют, однако, все же между ними есть принципиальное отличие. “Адекватный перевод” – это хороший перевод, который содержит в себе как фактическую, так и эмоциональную составляющую текста в равной степени. Целью адекватного перевода является передача целостности текста, его коммуникативной интенции. В то же время под эквивалентностью подразумевается смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка или речи, перевод, осуществляемый на уровне, необходимом для передачи содержания исходного текста с соблюдением норм текста перевода. Эквивалентность – это максимальная близость текста перевода к тексту оригинала» [4. С. 54]. Говоря о вольном переводе, можно сказать, что в исследовании мы придерживаемся второго пункта определения этого понятия из «Толкового переводоведческого словаря», который гласит, что вольным можно считать «перевод, осуществляемый на более высоком уровне, чем тот, который достаточен для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм переводящего языка (ПЯ)» [5]. В этой связи констатируем, что итогом поэтического перевода должно стать некое гармоничное художественное целое, которое не равно сумме частей и никогда не будет сводиться к одностороннему воспроизведению каких-либо частных структурных элементов оригинала, будь то семантические, когнитивные или формальные единицы [6. С. 103]. С учётом всех этих терминологических и понятийных нюансов и стоит приступить к анализу переводов стихотворений М.Ю. Лермонтова на киргизский язык.

В первую очередь обратимся к анализу перевода одного из самых знаменитых лермонтовских стихотворений – «Бородино» (на киргизском языке, соответственно, оно носит аналогичное название), написанного в 1837 г. Показательными в нём являются фрагменты воспоминаний солдата о славных героях Бородинской битвы.

У Лермонтова:

*– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!* [7. Т. 1. С. 225].

Киргизский вариант с обратным подстрочным переводом на русский язык:

– *Оо, адамдар эр эле анда,*
– *Оо, люди были мужественны тогда,*
Андагыдай азыр кайда:
Где найти таких сейчас:
Баатыр дейби силерди да!
Разве можно назвать вас богатырями!
Көтөрүштү баарын чыдап кайрандар,
Всё выдержали, выстояли, бедные,
Көбү кайтпай калбадыбы майдандан...
Многие не вернулись с поля битвы...
Болбогондо жазуу-буйрук кудайдан
Если б не предначертано это было Богом,
Москваны берет элек биз кайдан! [8. Т. 6. С. 36].
Как бы мы отдали Москву!

В анализируемом отрывке, как в оригинале стихотворения, так и в его переводе на киргизский язык, присутствует громкий пафос, это объясняется тематикой стихотворения, восхвалением героев славной битвы. Первая строчка «Да, были люди в наше время» переведена как «Оо, адамдар эр эле анда» («Оо, люди были мужественны тогда»). Здесь появляется уточняющее слово «мужественны», оно призвано пояснить для киргизского читателя все тяготы и боль, через которые пришлось пройти участникам Бородинского сражения. Переводчик добавляет слово «эр», которое относится только к настоящим воинам, прошедшим огонь, воду и медные трубы, таким образом, киргизскому читателю становится более понятным, что в данном фрагменте речь идет о настоящих героях. Вторую строчку «Не то, что нынешнее племя» переводчик превращает в риторический вопрос: «Андагыдай азыр кайда» («Где найти таких сейчас...»), применяя данный приём и к третьей строке «Богатыри – не вы!», которая на киргизском звучит как «Баатыр дейби силерди да!» («Разве можно назвать вас богатырями?!»). Риторические вопросы, уничижающие нынешнее поколение, в данном случае нужны также для усиления значимости предыдущего «поколения Бородина». Далее «Плохая им досталась доля» переведено следующим образом: «Көтөрүштү баарын чыдап кайрандар» («Всё выдержали, выстояли, бедные»), а следующая строка «Немногие вернулись с поля...» переведена как «Көбү кайтпай калбадыбы майдандан...» («Многие не вернулись с поля битвы»). В переводе этих строк мы тоже имеем дело с детализацией, углублением в контекст оригинала стихотворения. Переводчик поясняет киргизским читателям, что Бородинская битва была одной из самых сложных и кровопролитных. Строка «Не будь на то господня воля» переведена «Болбогондо жазуу-буйрук кудайдан» («Если б не предначертано это было Богом»). В данном случае мы можем отметить, что для киргизского читателя важную роль играет не только понимание «Божьей воли», но и большое значение имеет концепт «судьба». В киргизской картине мира многие события, происходящие

в нашей жизни, предсказаны, предначертаны нам заранее судьбой. И следующая строчка «Не отдали б Москвы!» звучит как «Москваны берет элек биз кайдан!» («Как бы мы отдали Москву!»). Переводчик усиливает эмоции лирического героя за счёт риторического восклицания, являющегося кульминацией данного фрагмента.

В проанализированных строках можно констатировать некоторую вольность перевода О. Султанова. Переводчик не стремится к дословности, наоборот, он намеренно избегает односложности и, соответственно, создаёт образы, которые будут наиболее близки киргизскому народу с точки зрения его мировоззрения и менталитета. Примерами могут служить использование слова «мужественны», применённого по отношению к воину, или замена слова «немногие» на «многие» с целью демонстрации масштабности и сложности проходивших боев. Важно отметить, что «в случае «вольного перевода» мы не находим несоответствий норм языка перевода, но происходит произвольное толкование смысла оригинального текста...» [9. С. 157]. При этом данный перевод является адекватным оригиналу, так как смысл и правильность формы русского языка сохранены. Исходим из того, что «адекватный перевод – это перевод, в котором переводчик, исходя из цели перевода и характера адресата, передает лишь денотативную эквивалентность, а остальными типами эквивалентности он может пренебречь» [10. С. 179].

Также интерес вызывает стихотворение Лермонтова «Три пальмы», именуемое восточным сказанием. Датировано оно 1839 г. На киргизский язык название переведено дословно «Үч курма» («Три пальмы»). Исследуем один из ключевых моментов стихотворения:

Оригинал:

*И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»* [7. Т. 1. С. 257].

Киргизский перевод с обратным подстрочным переводом на русский язык:

*Үч курма кудайга айда дат айтышты:
Три пальмы Богу предъявили свою жалобу:
«Калуу үчүн мында куурап жаралдыкпы!
Разве чтоб остаться здесь увядать, мы рождены!
Пайдасыз чолдо бүрдөп турдук өсүп,
Без пользы в пустыне мы росли, цвели,
Теңселип шамал урса, аптап өтүп,
Колеблемы ветром, зноем палимы,
Эч кимдин кубандырбай көргөн көзүн?..
Ничей не радуя взор?
Туура эмес, Теңир, ыйык бул өкүмүң!»* [8. Т. 6. С. 42–43].
Не прав твой, Небо, святой этот приговор!

В переводе данного отрывка восточного сказания переводчик использовал наиболее подходящие, эквивалентные оригиналу слова и речевые обороты. О. Султанов осуществлял свой перевод, опираясь на смысловые центры лермонтовских строк, и в ходе перевода смог не только максимально отразить содержание стихотворения, но и сохранить словарно-структурную, а также стилистическую стройность стихотворения. К примеру, строки «На то ль мы родились, чтоб здесь увядать? Без пользы в пустыне росли и цвели мы» звучат как «Калуу үчүн мында куурап жаралдыкпы! Пайдасыз чөлдө бүрдөп турдук өсүп» («Разве чтоб остаться здесь увядать, мы рождены! Без пользы в пустыне мы росли, цвели»). Для того чтобы киргизскоязычные читатели восприняли стихотворение в правильном ключе, перед переводчиком стояла задача донести до них философскую составляющую произведения, а именно с филигранной точностью передать жалобы «трёх пальм» (разума, чувства и воли) на своё никчёмное прозябание в пустыне. Можно говорить о том, что каждая переведённая строка выверена как с точки зрения смысловой нагрузки, так и со стороны словарной идентичности с текстом оригинала. В этом контексте речь идёт о «естественной» эквивалентности, которая «не означает только однозначные соответствия, а допускает вариативность перевода в зависимости от его цели» [11. С. 76].

Обратимся к ещё более подробному изучению философской лирики М.Ю. Лермонтова. Результатом размышлений о жизни, о смысле бытия, о судьбе и её тяготах, сопровождающихся юношеским максимализмом, становится непростое, многогранное стихотворение поэта под названием «1831-го июня 11 дня». Серию стихотворений поэт пишет в качестве лирического дневника, изучаемое творение относится к одному из них. В 1831 г., к которому относится данное стихотворение, Лермонтову было семнадцать лет. Мироззрение лирического героя в данном стихотворении не соответствует юношескому восприятию мира, тем увлекательнее становится изучение ярких контрастов лермонтовского миропонимания. На киргизском языке название звучит «1831-жыл, июндун 11-күнү» («1831 год, 11-й день июня»).

Проанализируем тридцатую строфу данного стихотворения, которую можно назвать знаменательной с точки зрения кульминации философского посыла дневниковых записей Лермонтова, а именно его тяжелых дум о том, что ему предначертана жестокая смерть в чужих краях.

Оригинал:

*Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пуста
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем, и молвой,
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда* [7. Т. 1. С.126].

Вариант О. Султанова с обратным подстрочным переводом на русский язык:

Алдыда күтөт мени кандуу мүрзө
Впереди ждёт меня кровавая могила,
Эч кандай каада-салтты кармабаган,
Не придерживающаяся никаких традиций,
Бууракандап аккан суунун жээги үстүндө
На берегу бурлящих вод
Асманы тумандаган. Тек айланам
Туманное небо. Спокойная кругом
Эндик. Чоочун жигит жол бараткан,
Пустота. Незнакомец молодой, проходивший мимо,
Эксизден өкүнүчтүү күбүр каккан,
С невольным сожалением шептал,
Таң калткан кызыгышка жетеленип
Ведомый странным любопытством,
Олтуруп таи үстүнө кээде келип.
Иногда приходя, будет сидеть на камне [8. Т. 6. С. 34].

Перевод первой строки изучаемой строфы «Алдыда күтөт мени кандуу мүрзө» («Впереди ждёт меня кровавая могила») можно назвать наиболее приближённым по структуре к оригиналу «Кровавая меня могила ждёт». Он может считаться эквивалентным. А вот при переводе второй строки «Эч кандай каада-салтты кармабаган» («Не придерживающаяся никаких традиций»), которая в оригинале звучит как «Могила без молитв и без креста» О. Султанов позволил себе вольность. При этом отметим, что вольность перевода в данном случае обоснована и вполне оправдана разностью двух культур и вероисповедания представителей исходного и переводящего языков. С целью их сближения на ментально-духовном уровне переводчик прибегнул к обобщению понятий, ведь свои традиции и обычаи есть у каждого народа. Строка «На диком берегу ревуших вод» переведена как «Бууракандап аккан суунун жээги үстүндө» («На берегу бурлящих вод»), что можно отнести к эквивалентности. Следующие строки «И под туманным небом; пустота» и «Кругом. Лишь чужестранец молодой» звучат как «Асманы тумандаган. Тек айланам» («Туманное небо, Спокойная кругом») и «Эндик. Чоочун жигит жол бараткан» («Пустота. Незнакомец молодой, проходивший мимо») соответственно. Как видим, в киргизском переводе слово «пустота» перешло на следующую строку, а на предыдущей строке появилось уточнение «спокойная кругом», т.е. слова поменялись местами, но смысл остался прежним. У «пустоты» в переводе появилась характеристика «спокойная». Также если в оригинале у Лермонтова фигурирует «чужестранец», то у Султанова он превращается в «незнакомца парнишку». В данном случае кажется, что переводчик не до конца сумел донести мысль поэта о том, что лирический герой предвидит свою смерть именно на чужбине, поэтому в стихотворении фигурирует именно чужестранец, а не просто незнакомец. Безусловно, переводчик понимал этот нюанс, но ему не удалось до

конца сформулировать это в своём поэтическом тексте. Переводы следующих строк «Невольным сожаленьем, и молвой» – «Эркисизден өкүнүчтүү күбүр каккан» («С невольным сожалением шептал»), «И любопытством приведен сюда» – «Таң калткан кызыгышка жетеленип» («Ведомый странным любопытством»), «Сидеть на камне станет иногда» – «Олтуруп таш үстүнө кээде келип» («Иногда приходя, будет сидеть на камне») можно назвать контекстными и адекватными. Мы видим, что меняются некоторые слова, конструкции в предложениях, но их функциональный смысл и посыл при переводе сохраняются. Таким образом, можно прийти к выводу, что перевод стихотворения «1831-го июня 11 дня» адекватен, передаёт как смысловую, так и фактологическую основу оригинала.

Философская рефлексия М.Ю. Лермонтова проявляется также в стихотворении «Моё грядущее в тумане», написанном в 1836 г. Разберём перевод отрывка стихотворения, в котором поэт формулирует свои вопросы и мысли для объяснения своей дальнейшей трансформации. На киргизский язык стихотворение переводится как «Келечегим туманданат көрүнбөй» («Моё будущее затуманено, не видно»).

Лермонтов написал так:

*К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!..* [7. Т. 1. С. 336].

Султанов перевёл это следующим образом (обратный подстрочный перевод на русский язык прилагается):

*Жаратканым мени эмнеге даярдап,
К чему Творец меня готовя,
Жана эмнеге ошончолук каардап,
И на меня зачем так сильно свой изливая гнев,
Жаштыгымдын жакшы үмүтүн майтарды!..
Светлую надежду юности сломил!..
Колго берип жаман менен жакшыдан
Дав мне в руки добро и зло (хорошее и плохое),
Ал мага айтты: өмүрүңдү маарытам,
Он мне сказал: жизнь твою наполню всем,
Сен болосуң адамдардан байсалдуу!..
Ты будешь безмятежным среди людей!..*

Первые три строки данного отрывка переведены вполне эквивалентно оригиналу, однако в них заметны синтаксические изменения, не искажающие смысл стихотворения, но подходящие под поэтическую ритмику переводящего киргизского языка: «К чему творец меня готовил» – «Жаратканым мени эмнеге даярдап» («К чему Творец меня готовя»), «Зачем так грозно прекословил» – «Жана эмнеге ошончолук каардап» («И на меня зачем так

сильно свой изливая гнев»), «Надеждам юности моей?» – «Жаштыгымдын жакшы үмүтүн майтарды! («Светлую надежду юности сломил»). В последующих строках мы можем наблюдать похожую картину, однако здесь в игру вступают некоторые контекстуальные моменты. К примеру, «Добра и зла он дал мне чашу» переведено как «Колго берип жаман менен жакшыдан» («Дав мне в руки добро и зло (хорошее и плохое)»). Слово «чаша» в контексте разговора о добре и зле не так распространено в киргизской культуре. В ней принято считать, что человек должен ковать своё счастье своими руками, тогда оно будет выстраданным, а значит, настоящим, Творец даёт ему выбор из добра и зла и складывает его не в чашу, а даёт прямо в руки. В следующей строчке «Сказав: я жизнь твою украшу», переведённой как «Ал мага айтты: өмүрүңдү маарытам» («Он мне сказал: жизнь твою наполню всем»), О. Султанов углубляется в её смысловую нагрузку, персонифицируя диалог с Творцом, а также гиперболизируя значение дара, который он готов отдать лирическому герою. У Лермонтова Творец лишь «украшает» жизнь, а у Султанова – «наполняет всем». И заключительная строка данного отрывка «Ты будешь славен меж людей!» звучит как «Сен болосуң адамдардан байсалдуу» («Ты будешь безмятежным среди людей»). Мы видим, что если Лермонтов фокусирует внимание на том, что человек, как он думал, должен быть «славен» среди остальных, и это можно считать наивысшим благом, то Султанов вкладывает сюда смыслы последующих строк стихотворения и пишет о «безмятежности», ибо гармонию человек, по его мнению, может достичь только в спокойствии. Эту точку зрения можно отнести к личной позиции переводчика, оказавшей влияние на использование смысловой интерпретации при переводе. В целом перевод стихотворения «Моё грядущее в тумане» является адекватным и передаёт всю эмоциональную и функциональную палитру исходного текста.

Мысли о призрачном будущем не оставляли поэта на протяжении всего его творчества. Тем более что его нелёгкая судьба подсказывала ему всё новые сюжеты. Одним из таких является стихотворение «Соседка». На киргизский язык название переводится как «Кошуна кыз» («Соседка»). В 1840 г. военный трибунал расследовал дело о дуэли М. Лермонтова с сыном французского посла Эрнестом де Барантом. В течение нескольких месяцев поэт находился в тюрьме. Именно в тот период и было написано анализируемое стихотворение. Тяжёлые будни заточения лирическому герою скрашивала таинственная незнакомка, которую он видел через небольшое тюремное оконце, узник сдружился с ней, она была дочкой тюремщика. Стихотворение лишено пафоса, построено как беседа с близким другом о перипетиях своей непростой судьбы и надежде на спасение. Проанализируем строки, сближающие главных героев стихотворения в попытке вырваться из плена, причем каждый из своего:

Оригинал:

*Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она, долго вздыхая,*

**Видно, буйную думу тая,
Все тоскует по воле, как я.
Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь – откроится клетка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем** [7. Т. 1. С. 278–279].

Киргизский перевод с обратным подстрочным переводом на русский язык:

**Жаш сулуунун жаркын жүзү кер сары,
И бледен светлый лик красавицы молодой,
Көпкө олтурду улутунуп санаалуу,
Долго сидела, вздыхая в печали,
Сыягы, ал да капаска оюн камайт го
Видно, она тоже держит думу в клетке,
Мен өңдөнүп эркиндикти самайт го.
И, как я, сильно желает свободы.
Муңга чөкпө кошуна кыз, кымбатым...
Не печалься, соседка, дорогая,
Каалап койчу – капас дароо ачылсын,
Захоти лишь – быстро пусть откроется клетка,
Биз, кудайдын эркеси – эгиз чымчыктай
Мы как божьи баловни – птички-близнецы –
Кең талаага учат элек эч турбай** [8. Т. 6. С. 45].
Улетели бы в широкое поле без промедления.

Строка «Но бледна ее грудь молодая» переведена достаточно вольно «Жаш сулуунун жаркын жүзү кер сары» («И бледен светлый лик красавицы молодой»). Связано это с тем, что в киргизской традиционной культуре обычно не приняты разговоры о таких частях тела женщины, как грудь, и т.д. в публичном пространстве, это прерогатива исключительно ее мужа. Вскользь можно восхититься, к примеру, её лицом, что и демонстрирует нам переводчик, заменив слово «грудь» на «лик». Известный киргизский исследователь-литературовед Чоюн Өмүралиев, имея в виду то, как О. Султанов переводит произведения Лермонтова, пишет: «И в этом случае перо переводчика как бы расходится с авторским, он меняет описываемую сцену-феномен и делает образ ярче и мелодичнее для киргизского миропонимания. Обогащает! (Мында да котормочунун каламы кай бирде автордун өзү менен эрегише кеткендей, ал баяндаган көрүнүш-кубулушту башкачалай, артылтып, кыргызча элестүү ырдап салат. Байытып!))» [12]. Следующая строка «И сидит она, долго вздыхая» превратилась в «Көпкө олтурду улутунуп санаалуу» («И долго сидела, вздыхая в печали»). Здесь появляется уточнение «в печали», с одной стороны, с целью расширения передачи эмоционального состояния героини, с другой – сохранения ритмического рисунка киргизского перевода. Следующая строка «Видно, буйную думу тая» стала «Сыягы, ал да капаска оюн камайт го» («Видно, она тоже держит думы в клетке»). Как мы видим, «буйная дума» трансформировалась в переводе в

«думу в клетке». Красной нитью идёт мысль о заточении, когда любая субстанция, если она буйная либо запертая в клетке, всё равно рвётся наружу в мечтах о свободе. Это подтверждается следующей строчкой «Все тоскует по воле, как я» – «Мен өндөнүп эркиндикти самайт го» («И, как я, сильно желает свободы»). Переводчик, опережая ход повествования, переходит от слов, когда нужно «тосковать по воле», к предтече действия, когда нужно «сильно желать свободы», чтобы её достичь. Дальше строки «Не грусти, дорогая соседка» и «Захоти лишь – откроется клетка», соответственно, переведены как «Муңга чөкпө кошуна кыз, кымбатым» («Не печалься, соседка, дорогая») и «Каалап койчу – капас дароо ачылсын» («Захоти лишь – быстро пусть откроется клетка»). В переводе проявляются некоторые синтаксические особенности киргизского языка, меняется порядок слов, усиливается их значение. «Сильное желание свободы», которое было проявлено в переводе предыдущих строк, подкреплено словами «быстро откроется клетка», в тексте на киргизском языке появляются слова «быстро» и «пусть» для подчёркивания того факта, что «соседка» может открыть заветную дверь, стоит ей только захотеть. Продолжение следует в строках «И, как божии птички, вдвоем» – «Биз, кудайдын эркеси – эгиз чымчыктай» («Мы как божьи баловни – птички-близнецы») и «Мы в широкое поле порхнем» – «Кең талаага учат элек эч турбай» («Улетели бы в широкое поле без промедления»). Лирический герой жаждет свободы, и незнакомка, которую он называет «соседкой», по его мнению, тоже хочет вырваться из клетки того восприятия мира и жизни, которые ей навязали. Он считает, что они вдвоём, как и другие божьи создания, заслуживают счастья, заключающегося в свободе, и хочет сбежать со своей «соседкой по несчастью» куда глаза глядят, прочь от заточенья, как физического, так и духовного. Они ассоциируются с птичками, божьими созданиями, волею судеб оказавшимися в клетке, которые желают вырваться из ненавистного плена. В переводе же Султанов подчёркивает, что герои не только заслуживают лучшего, но и являются «божьими баловнями», уже неотделимыми друг от друга в рамках предлагаемых обстоятельств заточения, поэтому добавляет в перевод слова «птички-близнецы». В переводе следующей строчки появляется слово «без промедления», что ещё раз доказывает стремление переводчика усилить выражение во-первых, жажды свободы лирического героя; во-вторых, его нетерпения открыть двери своей тюремной клетки; в-третьих, образа незнакомой соседки, ставшей символом надежды на освобождение и спасение. Итак, анализ показал, что киргизский перевод стихотворения «Соседка» можно назвать в целом вольным, местами эквивалентным. Констатируем, что по всем критериям он отвечает параметрам адекватности.

Стихотворение «Договор» является примером любовной лирики Лермонтова, датируется 1841 г. На киргизский язык заглавие переведено дословно «Келишим» («Договор»). По одной из версий оно связано с графиней Евдокией Ростопчиной, поэтессой и подругой детства М.Ю. Лермонтова, по другой же – героиней стихотворения стала таинственная незнакомка, не входившая в высшее общество. В стихотворении поэт поднимает тему

любви, порицаемой людьми, высшим светом, и того, как влюблённая пара готова отстаивать свои чувства. Обратимся к анализу перевода начальных строк, объясняющих суть конфликта стихотворения.

Оригинал Лермонтова:

*Пуškai толпа клеймит презреньем
Наш неразгаданный союз,
Пуškai людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз.
Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви [7. Т. 1. С. 313].*

Перевод Султанова с обратным подстрочным переводом на русский язык:

*Эмне десе, эл ошо десин жек көрүп
Пусть люди говорят, что хотят, с презреньем,
Жандырмаксыз арзуубузду билишсин.
Пусть узнают о нашей неразгаданной любви.
Үй-бүлөсүз өмүрүңдү өткөрүп
Живя без семейных уз,
Сен алардан кемтигирээк имишсиң.
Ты как будто хуже их.
Сөөлөттүүнүн найгамбары келсе да
Даже если важный бог придёт,
Курчум мокоп, тизе бүгүп жүгүнбөйм;
Не притупится мой меч, согнув колени, не поклонюсь;
Барбы, жокпу – алар жааты бирдей маа
Есть иль нет – меня все они вовсе не волнуют.
Мен да сендей кайгырбайм да, сүйүнбөй [8. Т. 6. С. 45–46].
Я, как и ты, не печалюсь и не радуюсь.*

Строка «Пуškai толпа клеймит презреньем» переведена достаточно точно: «Эмне десе, эл ошо десин жек көрүп» («Пусть люди говорят, что хотят, с презреньем»). А вот строка «Наш неразгаданный союз» переведена вольно «Жандырмаксыз арзуубузду билишсин» («Пусть узнают о нашей неразгаданной любви»). Подобным переводом О. Султанов готов бросить ещё больший вызов недоброжелателям, в контексте говоря о том, что не стоит ни от кого прятаться – лирические герои не должны бояться пересудов других людей. Строки «Пуškai людским предубежденьем» и «Ты лишена семейных уз» переводчик меняет местами ради соблюдения перекрестной рифмы в киргизском варианте. Получается, «Ты лишена семейных уз» – Үй-бүлөсүз өмүрүңдү өткөрүп («Живя без семейных уз»), «Пуškai людским предубежденьем» – Сен алардан кемтигирээк имишсиң («Ты как будто хуже их»). Эти строки – яркий пример вольного перевода, призванного отразить в киргизском варианте те образы и значения, которые порой видит в ориги-

нале между строк сам переводчик. Лермонтов, используя высокий слог, обходит острые углы, а перевод Султанова в этом случае кажется более повествовательным, взятым из повседневности. Это объясняется, безусловно, влиянием разных эпох и культур на поэта и переводчика. Посмотрим соотношение «оригинал – перевод» у следующих строк: «Но перед идолами света» – «Сөөлөттүүнүн пайгамбары келсе да» («Даже если важный бог придёт») и «Не гну колени я мои» – «Курчум мокоп, тизе бүгүп жүгүнбөйм» («Не притупится мой меч, согнув колени, не поклонюсь»). Так же, как у Лермонтова в оригинале, в переводе у Султанова данные строки полны сарказма. Слова в лермонтовском и султановском вариантах подобраны разные, но смысловой посыл сохраняется. К примеру, если поэт называет высшее общество «идолами света», то у переводчика оно становится «важным богом». Строки «Как ты, не знаю в нем предмета» – «Барбы, жокпу – алар жааты бирдей маа» («Есть иль нет – меня все они вовсе не волнуют») и «Ни сильной злобы, ни любви» – «Мен да сендей кайгырбайм да, сүйүнбөйм» («Я, как и ты, не печалюсь и не радуюсь») также полны иронического отношения к окружающим. В данном случае перевод можно назвать абсолютно вольным. Если у поэта в стихотворении мы можем говорить о многозначности идеи, то переводчик подошёл к данному творению более прямолинейно. При переводе замечен разный подход поэта и переводчика к описательной части стихотворения: Лермонтов в данном случае более аккуратен в выражениях, вкрадчив, отсюда следует, что в оригинале больше образности, в переводе же у Султанова поэтический текст получился фактологичным, основанным на изложении череды конкретных мыслей и их возможных последствий.

Также тема любви затрагивается М.Ю. Лермонтовым в позднем стихотворении 1841 г. «Нет, не тебя так пылко я люблю...». Оно, по некоторым предположениям, посвящено дальней родственнице поэта Екатерине Быховец, которая была очень похожа на Варвару Лопухину, в которую Лермонтов был влюблён в юности. На киргизском языке оно звучит как «Жок, сен эмес, жаным калбай сүйгөнүм» («Нет, не тебя так пылко я люблю...»). Проанализируем ключевой отрывок.

Оригинал:

1

*Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье;
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.*

2

*Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю [7. Т. 1. С. 327].*

Киргизский перевод с обратным подстрочным переводом на русский язык:

1

Жок, сен эмес, жаным калбай сүйгөнүм,
Нет, не тебя так пылко я люблю,
Маган эмес ушул көркүң жаркындуу.
Не для меня эта красота твоя блестящая,
Мен сендеги сүйөм өткөн кайгымды
Я люблю в тебе прошедшее страданье,
Жана да өлгөн жаштыгымды сүйөмүн.
Также молодость погибшую люблю.

2

Кээде сени тиктеп карап калганда
Порой когда на тебя пристально смотрю,
Көздөрүңө көзүм түшүп кадалып:
В твои глаза глазами упираясь взором:
Мен бир сырдуу сүйлөшөмүн сөз салып
Я таинственный разговор веду,
Сени менен эмес, бирок мен анда.
Но не с тобой тогда я, в тот момент [8. Т. 6. С. 46].

Перевод данных строк можно считать эквивалентным, все слова и образы подобраны один к одному при сохранении смысловой и технической функциональности в условиях перехода от русского языка к киргизскому: «Нет, не тебя так пылко я люблю» – «Жок, сен эмес, жаным калбай сүйгөнүм» («Нет, не тебя так пылко я люблю»), «Не для меня красы твоей блистанье» – «Маган эмес ушул көркүң жаркындуу» («Не для меня эта красота твоя блестящая»), «Люблю в тебе я прошлое страданье» – «Мен сендеги сүйөм өткөн кайгымды» («Люблю в тебе прошедшее страданье»), «И молодость погибшую мою» – «Жана да өлгөн жаштыгымды сүйөмүн» («Также молодость погибшую люблю»), «Когда порой я на тебя смотрю» – «Кээде сени тиктеп карап калганда» («Порой когда на тебя пристально смотрю»), «В твои глаза вникая долгим взором» – «Көздөрүңө көзүм түшүп кадалып» («В твои глаза глазами упираясь взором»), «Таинственным я занят разговором» – «Мен бир сырдуу сүйлөшөмүн сөз салып» («Я таинственный разговор веду»), «Но не с тобой я сердцем говорю» – «Сени менен эмес, бирок мен анда» («Но не с тобой тогда я, в тот момент»). Как мы видим, переводчик использует при переводе практически те же слова, изобразительно-выразительные средства, которые были представлены в оригинале, даже порядок слов в предложениях зачастую не меняется. В данном случае можно говорить о точном стопроцентном попадании и в образы, и в синтаксические особенности оригинального поэтического текста. При этом перевод полностью соответствует стилистике киргизского языка, вписывается в неё весьма органично. Отметим, что даже романтическая лирика Лермонтова философична, в его стихотворениях мы становимся свидетелями психолого-философских дилемм романтического героя. Этот момент был хорошо подмечен переводчиком и точно передан в художественных переводах подобных стихотворений.

По результатам анализа переводов лирики М.Ю. Лермонтова на киргизский язык, осуществлённых Омором Султановым, можно сделать следующие выводы:

1. Сравнительный анализ оригиналов и переводов стихотворений был целенаправленно осуществлён построчно, поскольку именно такого рода детализация даёт возможность углубиться в более подробные переводческие нюансы социокультурного и технического характера. Какое слово или выражение было использовано, передано дословно, или же, наоборот, заменено в той или иной строке, по каким причинам это сделано, страдают ли при этом идея, передача образа – ответы на все эти вопросы и даёт построчное сопоставление оригинала и перевода поэтического текста. Если же стихотворению и его переводу давать лишь общую характеристику, то при отсутствии подробного разбора есть вероятность упустить их важные характеристики, что может привести к ложным выводам. Соответственно, построчный анализ стихотворения оправдывает свои цели.

2. Несмотря на то, что русский и киргизский языки не являются родственными друг другу, у них имеется общий социокультурный фон, приобретённый за десятилетия жизни в совместной советской действительности. Именно в советские годы и были осуществлены изучаемые переводы стихотворений русского поэта на киргизский язык. Это, в свою очередь, значительно облегчило процесс перевода, поскольку переводчик мог избежать долгих объяснений многих моментов, связанных с восприятием мира русским человеком. Киргизская аудитория была знакома с творчеством Лермонтова, понимала особенности русской культуры. В связи с этим переводчику нужно было очень точно и чётко подбирать каждое слово и выражение, используемое при переводе. Исходя из того, что большая часть населения Кыргызстана является двуязычной, т.е. владеет как киргизским, так и русским языком, можно подчеркнуть огромную ответственность переводчика перед своей аудиторией, когда читатель в любой момент может обратиться к оригиналу произведения, понять его, затем провести параллели с киргизским переводом, оценивая мастерство переводчика. Считаем, что Омор Султанов справился с поставленной перед ним задачей, не впадал в буквализм, а передавал, прежде всего, образы, созданные Лермонтовым.

3. Также стоит обратиться к нюансам проявления психолингвистических особенностей процесса перевода. Многие исследователи уверены, что «...нельзя забывать про такой немаловажный психологический фактор, который может влиять на восприятие оригинала и впоследствии отражаться на качестве перевода, как индивидуальность личности. Каждый из нас обладает определенным набором психологических характеристик, которые так или иначе влияют на нашу жизнь, наши взгляды и убеждения. <...>. Один и тот же текст может иметь несколько содержаний, а следовательно, его толкование не может быть однозначным. За каждым текстом стоит разная по типу психология личности, и интерпретация переводчиком данного текста приводит к психологически искаженному восприятию текста оригинала.

Психолингвистическое значение слова в данном контексте играет ключевую роль, поскольку именно такое значение подвергается психолингвистическому анализу в тексте. <...> Именно лексика представляет самый важный и самый сложный параметр при анализе, поэтому важно рассмотреть его через призму психолингвистического значения слова» [13. С. 35]. Если обратиться к психолого-личностному критерию оценки изучаемых нами переводов, то стоит отметить, что М.Ю. Лермонтов писал свои стихотворения в довольно молодом возрасте, в то время как О. Султанов переводил его поэзию в возрасте пятидесяти лет. Безусловно, мы отмечаем всю глубину, разносторонность и неординарность гения Лермонтова, который, к примеру, в семнадцать лет мог написать такое многоликое, философское, непростое во всех отношениях стихотворение, как «1831-го июня 11 дня». Мы изучаем киргизскоязычные переводы поэта, поэтому личностные характеристики переводчика тоже берём во внимание. Необходимо учитывать особенности стилистики оригиналов и переводов поэтических текстов с точки зрения того, что они принадлежат не только разным эпохам, но и перу представителей разных, несхожих друг с другом культур, которые к тому же имеют различное мировоззрение в силу, к примеру, принадлежности к разным возрастным категориям. Восприятие, осознание этого мира со всем хорошим и плохим, что в нём происходит, семнадцатилетним или даже двадцатисемилетним поэтом и пятидесятилетним автором будет очевидно разным, соответственно, и некоторые слова, выражения, способы подачи информации в переводах отличаются от оригиналов. Например, киргизский перевод стихотворения «Договор» («Келишим») является приземлённым и прозаичным, лишённым поэтического пафоса, который присутствует у Лермонтова. Своеобразие подобного переводческого решения продиктовано, прежде всего, индивидуальными фильтрами личности переводчика, прагматичностью, приобретённой с возрастом. И при соотнесении индивидуальных и языковых характеристик мы говорим уже не просто о личности, а о языковой личности. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что «языковая личность (ЯЛ) обычно определяется как закреплённый преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка. Мультикультурная языковая личность способна осуществить наиболее продуктивное общение с представителями разных культур, так как она обладает определенным потенциалом, способностями и навыками, которые позволяют ей эффективно общаться в поликультурном мире. Современные исследователи отмечают, что именно на уровне сравнения национальных менталитетов, характеров носителей языка, а не лексических систем особенно ясно прослеживаются отличительные нюансы языковых картин мира разных этносов. <...> между языком и менталитетом существует несомненная связь. С ценностной позиции язык – это средство передачи мироощущения и мировоззрения народа-носителя этого языка, в нем зафиксирована биография нации, кроме того, он заложен в основу национальной модели мира» [14. С. 74].

Получается, что О. Султанов при осуществлении переводов постарался сделать больше пояснений для киргизскоязычной аудитории, расширить границы идей Лермонтова так, как он это понимал в рамках лермонтовского мироощущения, однако в фокусе киргизской социокультурной действительности и в рамках своих личностных ориентиров. В этом вопросе мы придерживаемся мнения учёного Ю.Н. Караулова, который пишет, что «языковая личность – вот та сквозная идея, которая пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка. Естественно, такой размах чреват опасностью дилетантской оценки и использования результатов других наук... лучше получить упрёк в дилетантизме, чем отгородиться от смежных с лингвистикой областей знания, делая вид, что их вообще не существует» [15. С. 3]. Таким образом, мы считаем правильным рассмотрение лингвистических особенностей художественного перевода в том числе и через призму личности переводчика, так как он перерабатывает текст оригинала, пропуская его через себя, свои ценностные ориентиры и установки, которые, в свою очередь, и формируют его языковую картину мира. В этом случае перевод осуществляется авторским стилем, под которым «можно понимать совокупность “способностей и характеристик человека”, находящихся в плотном взаимодействии с его психическими особенностями и жизненным опытом в результате его контактов с внешним миром, что говорит о возможности выявления доминирующих структур художественного текста, лежащих в основе индивидуально-стилевой организации» (цит. по: [16. С. 89]).

4. Говоря об эквивалентности, вольности и адекватности переводов Султанова, можно подчеркнуть, что в ходе анализа было выявлено наличие как эквивалентных, так и вольных переводов лермонтовской лирики. Каждый из вариантов органично вписывается в общую канву переводческой стратегии. Адекватность переводов проявляется в ответах на следующие вопросы: «Насколько релевантен транслятор в своих «догадках» о сути произведения, ведь он такой же читатель, как и все те, кто будет держать в руках его интерпретацию. А если при этом в задачи проекта не входит представление иноязычного автора, а есть цель – сделать из предоставленного материала поэзию? Тогда шансы на то, что читательская преднастройка будет соответствовать истине, стремятся к нулю. Ведь транслирующий поэт выносит в название то, что является квинтэссенцией его, переводчика, произведения» [17. С. 35]. И в случае с переводами О. Султанова можно утверждать, что они адекватны, так как ответы на все перечисленные вопросы в данном случае таковы, что переводчик не пытался и не имел цели создать своё произведение наподобие лермонтовского, а исходил из идей и мотивов, заложенных именно в поэзии самого Лермонтова, т.е. работа велась по правильному и полноценному раскрытию собственно лермонтовской поэтической концепции, а не по созданию своей собственной за счёт переводимой.

Оценка адекватности, эквивалентности, точности перевода, стратегий переводчика подразумевает определение качества художественного перевода. В данном случае «основополагающими критериями оценки качества художественного перевода выступают адекватность и эквивалентность. <...> Эквивалентность включает в себя смысловую близость оригинала и перевода, максимально возможную в конкретных условиях, соответствие лексического состава и синтаксической организации исходного и выходного текстов. Адекватность в свою очередь включает в себя соответствие стилистических особенностей, точность перевода и подбора аналогов для идиоматических и фразеологических выражений, семантическую верность и сохранение прагматического аспекта <...> Процедура оценки, основанная на критериях адекватности и эквивалентности, позволяет провести комплексный анализ перевода текста и сделать выводы об общем уровне качества выходного текста и может использоваться для отсеивания некачественных переводов на этапе проверки и редактирования» [18. С. 293, 294, 296].

Таким образом, результаты данного исследования показывают, что переводы лирики М.Ю. Лермонтова на киргизский язык, автором которых выступил О. Султанов, соответствуют всем критериям качества, на которое «влияют как языковые, так и неязыковые аспекты. Качество перевода подразумевает не только высокое владение языком и культурой иной страны и способность создать наиболее точный и близкий по значению, а также лексически соизмеримый смысл оригинала. Оно подразумевает многие другие факторы, в числе которых выбор переводческих стратегий и личность самого переводчика. <...> Так, можно утверждать, что с изменением эпохи меняется подход к переводу, появляются новые варианты, которые требуют внимания со стороны филологов и лингвистов. Рассмотрев критерии оценки качества перевода, необходимо сделать следующий вывод: самым главным показателем качественно выполненного художественного перевода является интерес к нему исследователей и желание читателей неоднократно перечитывать его. Если перевод удовлетворяет современным требованиям (как читателей, так и учёных), значит, он выполнен качественно» [19. С. 14–15]. Можно констатировать, что данные требования соблюдены в поэтических переводах Омора Султанова, изученных в этом исследовании.

Список источников

1. Хабибуллина А.З. Из истории переводов произведений М.Ю. Лермонтова в тюркоязычных литературах // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, № 3. С. 144–153. EDN KUV0IB.
2. Султанов Омор Султанович // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%BD%D0%BE%D0%B2,%D0%9E%D0%BC%D0%BE%D1%80_%D0%A1%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 05.09.2023).
3. Омору Султанову вручена премия М. Лермонтова // Радио Азаттык. 17 июля 2009. URL: <https://rus.azattyk.org/a/2966153.html> (дата обращения: 10.09.2023).

4. Гусакова А.И. Эквивалентность и адекватность перевода художественной литературы // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 45-1. С. 53–55. doi: 10.18411/lj-12-2018-14. EDN YZEKUX.
5. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М. : Флинта : Наука, 2003. // GUFO.ME. URL: https://gufo.me/dict/translatology/%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4 (дата обращения: 08.09.2023).
6. Леонтьева К.И. Вольность и буквализм при поэтическом переводе: дихотомия или антиномия? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (12). С. 101–104. EDN ONUPSJ.
7. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М. : Худож. лит., 1973. 624 с.
8. Султанов О. Чыгармалардын көп томдук жыйнагы. Котормолор (Многотомный сборник произведений. Переводы). Т. 6. Бишкек : Турар, 2016. 492 с.
9. Калянова Л.М. О проблеме понятий адекватности и эквивалентности перевода // Перспективы науки. 2019. № 2 (113). С. 156–159. EDN ZABRNB.
10. Шамова Н.В. Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 171–180. EDN JIWLQJ.
11. Колкер Я.М., Устинова Е.С. О границах «естественной» эквивалентности и допустимости их нарушения в художественном переводе // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 4 (63). С. 74–83. doi: 10.37724/RSU.2022.63.4.010. EDN HIPWAY.
12. Омүралиев Ч. Омор Султанов ким? (Кто такой Омор Султанов?) // Просветительский портал «РухЭш». URL: <http://ruhesh.kg/ky/dasmiya/1582-omurali-choyun/choyun-omurali-omor-sultanov-kim> (дата обращения: 15.09.2023).
13. Козлова В.Е. О влиянии личностных характеристик переводчика на результаты перевода текста // Сибирский филологический форум. 2022. № 4 (21). С. 34–45. doi: 10.25146/2587-7844-2022-21-4-136. EDN NGJJKS.
14. Зайнуллин М.В. Языковая личность и национальный менталитет // Проблемы востоковедения. 2015. № 3 (69). С. 73–78. EDN UMSBCL.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М. : ЛКИ, 2010. 264 с.
16. Семенова Т.В. Влияние психотипических особенностей индивида на его языковую репрезентацию // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 6-3 (120). С. 89–92. doi: 10.23670/IRJ.2022.120.6.082. EDN UFAAAZ.
17. Тихомирова Ю.А. Современный англоязычный Пушкин: стратегии репрезентации лирики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 29–37. EDN QISTWL.
18. Мошкович В.В. Оценка качества перевода и использование адекватности и эквивалентности как критериев оценки качества перевода // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 10. С. 291–297. EDN RTEHYD.
19. Бородулина Е.С., Гусаров Д.А., Савченко Е.П. Оценка качества перевода художественного текста: основные критерии и их теоретическое обоснование (на материале переводов британских женских романов викторианской эпохи) // Вопросы современной лингвистики (Прежнее название: «Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика»). 2023. № 3. С. 6–17.

References

1. Khabibullina, A.Z. (2009) Iz istorii perevodov proizvedeniy M.Yu. Lermontova v tyurkoyazychnykh literaturakh [From the history of translations of M.Yu. Lermontov's works in Turkic-language literatures]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 3 (151). pp. 144–153.

2. Wikipedia. (n.d.) *Sultanov Omor Sultanovich*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%9E%D0%BC%D0%BE%D1%80_%D0%A1%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Accessed: 05.09.2023) (In Russian).
3. Radio Azattyk (2009) *Omoru Sultanovu vruchena premiya M. Lermontova* [Omor Sultanov awarded the M. Lermontov Prize]. 17 July. [Online] Available from: <https://rus.azattyk.org/a/2966153.html> (Accessed: 10.09.2023).
4. Gusakova, A.I. (2018) Ekvivalentnost' i adekvatnost' perevoda khudozhestvennoy literatury [Equivalence and adequacy of translation of fiction]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 45–1. pp. 53–55. doi: 10.18411/lj-12-2018-14.
5. Nelyubin, N.N. (ed.) (2003) *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory Dictionary of Translation Studies]. 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/translation/%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4 (Accessed: 08.09.2023).
6. Leont'eva, K.I. (2012) Vol'nost' i bukvalizm pri poeticheskom perevode: dikhotomiya ili antinomiya? [Liberty and literalism in poetic translation: dichotomy or antinomy?]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 1 (12). pp. 101–104.
7. Lermontov, M.Yu (1973) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
8. Sultanov, O. (2016) *A Multi-Volume Collection of Works. Translations*. Vol. 6. Bishkek: Turar (In Kyrgyz).
9. Kalyanova, L.M. (2019) O probleme ponyatiy adekvatnosti i ekvivalentnosti perevoda [On the problem of the concepts of adequacy and equivalence of translation]. *Perspektivy nauki*. 2 (113). pp. 156–159.
10. Shamova, N.V. (2005) Razgranichenie ponyatiy "ekvivalentnost'" i "adekvatnost'" v perevode [Distinction between the concepts "equivalence" and "adequacy" in translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 171–180.
11. Kolker, Ya.M. & Ustinova, E.S. (2022) O granitsakh "estestvennoy" ekvivalentnosti i dopustimosti ikh narusheniya v khudozhestvennom perevode [On the boundaries of "natural" equivalence and the admissibility of violating them in literary translation]. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole*. 4 (63). pp. 74–83. doi: 10.37724/RSU.2022.63.4.010
12. Omyraliev, Ch (n.d.) Omor Sultanov kim? [Who is Omor Sultanov?]. *RukhEsh*. [Online] Available from: <http://ruhesh.kg/ky/dasmiya/1582-omurali-choyun/choyun-omurali-omor-sultanov-kim> (Accessed: 15.09.2023).
13. Kozlova, V.E. (2022) O vliyaniy lichnostnykh kharakteristik perevodchika na rezul'taty perevoda teksta [On the Influence of personal characteristics of a translator on the results of text translation]. *Sibirskiy filologicheskoy forum*. 4 (21). pp. 34–45. doi: 10.25146/2587-7844-2022-21-4-136
14. Zaynullin, M.V. (2015) Yazykovaya lichnost' i natsional'nyy mentalitet [Linguistic Personality and National Mentality]. *Problemy vostokovedeniya*. 3 (69). pp. 73–78.
15. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. 7th ed. Moscow: LKI.
16. Semenova, T.V. (2022) Vliyanie psikhotypicheskikh osobennostey individa na ego yazykovuyu reprezentatsiyu [Influence of psychotypical features of an individual on his linguistic representation]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 6–3 (120). pp. 89–92. doi: 10.23670/IRJ.2022.120.6.082
17. Tikhomirova, Yu.A. (2013) A.S. Pushkin in modern English translations: strategies of poetry representation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 373. pp. 29–37 (In Russian).

18. Moshkovich, V.V. (2013) Otsenka kachestva perevoda i ispol'zovanie adekvatnosti i ekvivalentnosti kak kriteriev otsenki kachestva perevoda [Assessment of translation quality and the use of adequacy and equivalence as criteria for assessing translation quality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 10. pp. 291–297.

19. Borodulina, E.S., Gusarov, D.A. & Savchenko, E.P. (2023) Otsenka kachestva perevoda khudozhestvennogo teksta: osnovnye kriterii i ikh teoreticheskoe obosnovanie (na materiale perevodov britanskikh zhenskikh romanov viktorskoj epokhi) [Evaluation of the quality of translation of a literary text: the main criteria and their theoretical justification (based on translations of British women's novels of the Victorian era)]. *Voprosy sovremennoy lingvistiki (Prezhnee nazvanie: "Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika")*. 3. pp. 6–17.

Информация об авторе:

Султанова Ж.О. – д-р филол. наук, профессор кафедры международной журналистики факультета международных отношений Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызская Республика). E-mail: jeep502@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zh.O. Sultanova, Dr. Sci. (Philology), professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (Bishkek, the Kyrgyz Republic). E-mail: jeep502@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.09.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 24.09.2023;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 18.11.2024.*